

БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»

Наталья Лайдинен
СВЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ

ПЕТРОЗАВОДСК 2015

УДК 323 (470.22)
ББК 66.3 (2РосКар), 4

Л 18

Издание осуществлено при поддержке
Федеральной еврейской
национально-культурной автономии

Редактор Дмитрий Цвибель

Лайдинен, Наталья

Л 18 Свет исцеления /Наталья Лайдинен; [Еврейская религиозная община] – Петрозаводск: Принт, 2015, - 56 с. : ил. - (Библиотечка газеты «Общинный вестник»; вып.19)

В брошюре собраны интервью с врачами, опубликованные в международном журнале «Алеф», газете «Общинный вестник», других печатных изданиях

ISBN 978-5-906514-13-4

УДК 323 (470.22)
ББК 66.3 (2РосКар), 4

© Наталья Лайдинен

СЕМЕЙНАЯ ДИНАСТИЯ ИССЕРСОН-БАРАНОВЫХ: ПЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ ВРАЧЕЙ НА СЛУЖБЕ ЛЮДЯМ

Встретившись с Людмилой Васильевной Барановой, заслуженным врачом Республики Карелия и Российской Федерации, руководителем общественного совета по здравоохранению при Минздравсоцразвития Карелии, мы долго говорили о семейных корнях. Сошлись на том, что, не зная истории рода, невозможно понять многое о современной жизни, ее внутренних задачах, связях между поколениями.

Людмила Баранова, врач-трансфузиолог, отдала пятьдесят лет жизни петрозаводской станции переливания крови. За заслуги перед медициной имеет государственные награды. Людмила Васильевна с уважением и вниманием изучает семейную историю знаменитой династии врачей Иссерсон-Барановых, которая внесла значительный вклад в развитие медицины на Северо-Западе России – в Карелии. Из поколения в поколение передавалось в этом роду высокое призвание – исцелять людей.

- Людмила Васильевна, с какого момента Вы точно прослеживаете историю Вашего рода?

- Я полагаю, что изначально корни семьи Иссерсон – из западной Белоруссии или Литвы: об этом можно судить по сохранившимся фотографиям прадеда Давида Марковича Иссерсона, сделанным в Белостоке. Точно известно, что он закончил Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге. Так что достоверные, мне известные, сведения о предках начинаются с 1844 года – даты рождения прадеда. После окончания академии Давид Маркович служил военным врачом. Через два года после демобилизации он получил должность земского врача в небольшом городке Лодейное Поле (Олонецкая губерния), где и проработал двадцать пять лет.

СВЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ

Могу сказать, что труд земского врача был очень тяжелым: доктор лечил людей на очень большом территориальном участке, на лошадях по бездорожью колесил по окрестным деревням в любое время года. Как минимум раз в месяц он должен был объехать весь свой участок! К тому же, днем и ночью его могли вызвать к больному. Периодически вспыхивали эпидемии, нужно было вовремя их предотвращать.

С момента принятия «Положения о губернском и уездном земстве» и введения соответствующего указа в 1864 году прошло не так много времени, система еще не сложилась окончательно. Именно земские врачи внесли огромный вклад в развитие российской медицины, помогли приблизиться к больным. Прадед был очень активным, неравнодушным человеком. Помимо непосредственных обязанностей он еще активно занимался общественной деятельностью, был одним из организаторов Красного Креста в Олонецкой губернии.

- Кроме фотографий и справок из архивов, что еще у Вас в семье сохранилось от прадеда?

- Очень грустно, что революционные времена прервали связь поколений, уничтожили реликвии, хранимые в семьях. Давид Маркович был награжден орденом Святой Анны третьей степени, Святого Станислава второй степени, знаком Красного Креста... Представляете, как замечательно было бы сегодня взять в руки эти бесценные свидетельства прошлого! К сожалению, большая часть наших семейных ценностей утрачена.

Вероятно, докторов в нашей семье больше, чем мы сегодня знаем: на Преображенском кладбище в Санкт-Петербурге, неподалеку от синагоги, мы разыскали несколько могил врачей с фамилией Иссерсон, возможно, это наши родственники. Потом, работая с архивными материалами, я обнаружила в северной столице еще нескольких Иссерсонов, которые занимались медицинской деятельностью. Так что, возможно, наша врачебная династия достаточно многочисленна. Полагаю, что в архивах Вильнюса можно было бы найти интересные свидетельства о представителях нашего рода.

- Ваш дед, Михаил Давыдович Иссерсон, тоже стал знаменитым врачом. Расскажите о нем, пожалуйста.

- Сначала еще несколько слов о прадеде, Давиде Марковиче. Когда решался вопрос о получении образования его сыном Михаилом, он принял православие. Об этом сохранились записи в метрической книге Лодейного Поля. Еврейским детям тогда было очень сложно получать образование.

В своих записках мой дед Михаил Давыдович свидетельствует, что его отец, пережив все тяготы работы земской медицины, изначально был против того, чтобы сын продолжил его путь. На решение начать заниматься врачебным делом, как пишет Михаил Давыдович, повлияло то, что в семье было много медиков. Компромиссом с отцом стало поступление на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Естественное образование оказалось исключительно полезным для будущей специальности деда, который не оставлял желания стать врачом и поступил далее на медицинский факультет в Киевский университет Святого Владимира, сразу на третий курс.

Когда началась русско-японская война (1904-1905), дед был мобилизован, военные годы провел в полевом госпитале в Порт-Артуре, его первая научная работа была посвящена исследованию цинги. За участие в военных действиях в осажденном Порт-Артуре он был награжден орденом Святой Анны третьей степени с мечами.

Первые годы врачебной деятельности Михаила Давыдовича после войны прошли на Украине: в Киеве, в больнице для чернорабочих, в Одессе и Балте. У него был хороший учитель - профессор хирург К.М. Сапешко, который высоко оценил желание работать и способности талантливого молодого врача, его внимательное отношение к больным. Когда Олонецкое земство объявило конкурс на замещение вакантной должности заведующего хирургическим отделением, именно К.М. Сапешко порекомендовал ученику подать свои документы на конкурс.

СВЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ

Назначение состоялось, так, с 1908 года жизнь Михаила Давыдовича Иссерсона оказалась неразрывно связанной с Карелией. Эта связь прервалась только в 1914 году в связи с его участием в Первой мировой войне, откуда он вернулся живым и здоровым.

Михаил Давыдович всегда очень заботливо относился и к молодым хирургам, и к больным. Дом, в котором он жил, находился через дорогу от лечебницы. Из окна его квартиры были видны окна операционной. Если в них загорались огни, он шел в операционную проверить, что происходит, кого оперируют.

Можно сказать, что М.Д. Иссерсон явился одним из организаторов здравоохранения Республики Карелия, особенно в области хирургии. Само здание современного по тем временам хирургического отделения построено во многом благодаря ему. Началось строительство здания в 1910 году, успешно завершилось через два года. В этом корпусе получили рождение и развитие многие хирургические специальности – урология, отоларингология, онкология... Михаил Давыдович стал первым главным хирургом Карелии после введения этой должности, потом дело продолжил мой отец. Не отставала от мужчин и мама – главный хирург горздравотдела.

Михаил Давыдович открыл в Петрозаводске филиалы двух ленинградских институтов (травматологии и переливания крови). Он успешно укреплял и развивал связи с профессурой северной столицы. До начала войны совмещал руководство хирургической лечебницей и Станцией переливания крови. Трижды побывал в командировках за рубежом (в Германии, Швейцарии, Франции). Все новое, передовое, что можно было внедрить на родине, было оттуда привнесено. Благодаря деду, в Петрозаводске появился первый рентгеновский аппарат и первая лаборатория.

В послевоенное время Михаил Давыдович, продолжая возглавлять Станцию переливания крови, немало времени отдавал общественной работе: дважды становился депутатом Верховного Совета КАССР. Сохранилась его рабочая записная книжка, в которой он детально фиксировал, с какими просьбами к нему обращались люди. За большой вклад в развитие

здравоохранения он был награжден орденом Ленина. Позднее такую награду получили его дочь Зинаида, моя мама, и мой отец, Василий Баранов. Дед был заслуженным врачом Карело-Финской ССР.

Когда Михаила Давыдовича хоронили в 1955 году, проститься с ним пришли сотни человек, улица перед фельдшерской школой, где проходило прощание, была заполнена людьми, которым он в разное время помогал. Его провожали под траурные мелодии в исполнении симфонического трио. Авторитет Михаила Давыдовича в Петрозаводске был очень высок, благодарность пациентов казалась безграничной – все это я смогла понять только годы спустя. До сих пор, приходя на могилы деда и родителей, я вижу, что кто-то приходит поклониться им, приносят цветы, вербочки, конфеты,сыплют пшено для птиц... Люди помнят таких врачей, возвращают им душевное тепло даже многие годы спустя. Хирургической лечебнице Петрозаводска было присвоено имя М.Д.Иссерсона.

- Оба Ваших родителя – тоже известные врачи. Как сложились их жизни?

- Мама, Зинаида Михайловна Иссерсон, с детства очень хотела стать хирургом. После «девяносточки» (тогда в школе учились 9 лет) она дважды пыталась поступать в вуз, но ей отказывали по возрасту. Год она проучилась в Институте физкультуры имени П.Ф.Лесгафта в Ленинграде. Наконец ее мечта осуществилась - она была принята во Второй медицинский институт (Государственный медицинский университет имени И.И.Мечникова), ориентированный на выпуск врачей санитарно-гигиенического профиля, который и закончила успешно. Год пришлось отработать по специальности, после чего мама всерьез занялась хирургией.

Во время войны нас отправили в эвакуацию сначала в Вытегру, затем за Урал. Мама ехала начальником поезда.

СВЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ

Только мы добрались до места, как ее вызвали осмотреть больного с острым аппендицитом, потребовалось срочное оперативное вмешательство. Зинаида Михайловна, как и ее муж Василий Александрович, всегда возила с собой хирургические инструменты. Первую операцию в эвакуации она провела при шести керосиновых лампах. Спустя почти полвека, спасенный разыскал маму, написал ей теплое благодарное письмо.

После возвращения в Карелию Зинаида Михайловна до 1966 года заведовала хирургическим отделением в петрозаводской городской больнице. Избиралась депутатом районного совета.

Отец окончил Петрозаводскую фельдшерскую школу, она была организована в 1899 году. Так случилось, что ее выпускниками стали сначала двоюродный брат отца Петр Филимонов, а потом и родной – Михаил Баранов, оба были очень довольны полученной специальностью, рекомендовали поступать и Василию. Так мой папа, Василий Александрович Баранов, по примеру братьев принял решение пойти учиться в фельдшерскую школу, успешно ее закончил, работал в Пудожском уезде. Продолжил образование в Государственном институте медицинских знаний, вернулся в Петрозаводск, трудился в хирургической лечебнице, был заведующим травматологическим отделением.

Во время войны отец призвался на фронт, но пробыл в армии три дня – его отзывали для оказания медицинской помощи гражданскому населению. В Беломорске, в эвакуации, отец работал заведующим хирургическим отделением. Тем не менее, он получил боевую награду – медаль «За отвагу»: сотрудники больницы участвовали в строительстве военного аэродрома. После войны отец работал главным врачом хирургической лечебницы имени М.Д. Иссерсона.

В 1950 году было принято решение об открытии в Петрозаводске Республиканской больницы, отец занимался ее организацией и возглавлял на протяжении пяти лет. Затем был главным врачом больницы Министерства здравоохранения,

СВЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ

продолжал хирургическую практику. Дважды избирался депутатом Верховного Совета КАССР, работал заместителем Председателя Президиума. Как и мама, он - заслуженный врач КАССР и Российской Федерации.

Василий Александрович был очень организованным человеком, оставил интересные записи о развитии хирургической помощи в Карелии, систематизировал домашний архив, часть которого сегодня передана Национальному музею Республики Карелия. Сожалею, что мы не часто говорили с ним о моей работе. Он умер в августе 1978 года. Вскоре врачи Республиканской больницы обратились с ходатайством в Минздрав республики о присвоении больнице имени В.А.Баранова. Уже через восемь месяцев это осуществилось.

-Доводилось ли Вам работать вместе с родителями?

- Такое случилось единственный раз, на практике после 4 курса. Отец оперировал, мама ассистировала, а я «стояла на крючках» - вторым ассистентом. Отец рекомендовал мне становиться не хирургом, а окулистом.

- Что самое главное для себя Вы вынесли, исследуя биографии Ваших родных?

- Мы с братом воспитывались на примерах родителей и рассказах о том, как жили, работали, как относились к больным, друзьям, родственникам. Никакого назидания, начетничества, повышенного голоса или дурных слов в доме.

Когда я размышляю о судьбах родителей и деда, невольно задумываюсь обо всем, что в последние годы утрачивается в нашей медицине. Прежде всего, основополагающее – заботливое, внимательное, уважительное отношение к больному. Был очень высокий спрос за поддержание порядка. Особое внимание уделялось уходу за пациентом. Если врач видел, что у тяжелобольного не подстрижены ногти, немедленно следовало замечание. Недопустимыми считались грубость и невнимательное отношение к жалобам или просьбам больных.

Убеждена на примере своих родных старшего поколения, что руководитель обязательно должен быть хорошим воспитателем – разумным и негрубым, деликатным. Только тогда можно создать коллектив единомышленников, изнутри знать каждого человека, его сильные и слабые стороны.

- На протяжении многих лет Вы служите медицине. Как складывался Ваш профессиональный путь?

- Во многом главное направление моей работы определилось благодаря случайному разговору с Верой Александровной Дрейман, врачом-хирургом, «правой рукой» моего деда Михаила Давыдовича на станции переливания крови. После его ухода с работы Вера Александровна стала главным врачом петрозаводской Станции переливания крови. Однажды, когда я еще была студенткой мединститута, она пригласила меня к себе работать, продолжить дело деда... Даже не зная почему, я ей пообещала, что обязательно приеду.

Так и получилось: с 1 сентября 1959 по 31 декабря 2009 года я проработала на станции переливания крови. Среди основных достижений коллектива за этот период – строительство станции в 1968 году, открытие лабораторий, новых отделений. Я старалась, по возможности, внедрить прогрессивный зарубежный опыт в работу учреждения.

В 1995 году мы в числе трех ведущих станций - Санкт-Петербурга, Архангельска и Петрозаводска – значительно раньше многих станций в стране получили аппараты по автоматической заготовке плазмы. Практически с этого времени не было никакой разницы в методе получения плазмы по сравнению с западными учреждениями службы крови.

В 1975 году по итогам смотра работы станций переливания крови мы были вторым учреждением в Российской Федерации, через пять лет получили премию Министерства здравоохранения СССР и общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР.

СВЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ

Наша станция участвовала в пилотном проекте «Федеральная программа развития службы крови», и мы были одними из первых, где эта программа реализовывалась. За годы работы сложился коллектив, состоящий из специалистов высокого уровня, настоящих единомышленников. Я очень благодарна всем, с кем мне пришлось работать. В последние годы, после выхода на пенсию, я являюсь председателем Общественного совета по вопросам здравоохранения при Министерстве здравоохранения и социального развития Республики Карелия.

Надеюсь, что наша семейная династия врачей будет продолжаться, в нее пришло пятое поколение. Хочется, чтобы преемственность сохранялась, и в новых поколениях нашей семьи появлялись замечательные врачи – достойные продолжатели дела Иссерсон-Барановых.

Оперирует З.М. Иссерсон

СВЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ

Д. М. Иссерсон
(слева)

Людмила Баранова

М. Д. Иссерсон

ПРОФЕССОР ЗИЛЬБЕР: «ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТА ДОЛЖНА ИМЕТЬ ГУМАНИТАРНУЮ ОСНОВУ!»

Подготовить интервью с известным профессором, доктором медицинских наук Анатолием Петровичем Зильбером я собиралась давно. Последней каплей для осуществления задуманного стала встреча с коллегами в Белоруссии, которые, услышав рассказ о моей малой родине, столице Карелии, воскликнули с нескрываемой радостью: «Петрозаводск! Это город, где живет профессор Зильбер!».

Слава об этом уникальном человеке, враче от Бога, действительно много десятилетий подряд шагает через все границы. Несмотря на весьма почтенный возраст (82 года!), Почетный гражданин Петрозаводска, кавалер многих научных званий и государственных наград, доктор Зильбер плодотворно работает, возглавляет кафедру критической и реаниматорной медицины Петрозаводского государственного университета, руководит республиканским Комитетом медицинской этике, ведет обширную научную и образовательную работу. Пообщаться с ним приезжают медики со всего мира, а его лекции, которые он читает в том числе и по скайпу пользуются неизменным успехом в самых разных уголках планеты. В текущем году в Санкт-Петербургском издательстве вышла его сороковая по счету книга – «Врачи-труэнты: очерки о врачах, прославившихся вне медицины». Это лишь первый том давно задуманного многотомного повествования о талантливых докторах.

Когда мы договаривались об интервью, Анатолий Петрович сообщил, что на рабочем месте он бывает ежедневно с четырех часов утра, и я могу приехать в любое удобное время. Такая работоспособность меня поразила.

Разговор с профессором Зильбером – это обсуждение глубоких и важных тем не только в медицине, но и в российском обществе, доктор много размышляет о современных проблемах и болезнях социума и предлагает свои варианты для исправления ситуации. В его кабинете – собранная за долгие годы библиотека редких книг на медицинские темы на разных языках и огромная коллекция фигурок разномастных котов, к которой он относится с улыбкой. Интересы знаменитого доктора очень широки, с ним можно беседовать не только на профессиональные темы, но говорить о поэзии, искусстве, образовании. Профессор цитирует наизусть Гейне, разбирается в тонкостях поэтического перевода, сам пишет стихи. Не чужд Зильбер и совсем иному труду – неподалеку от Петрозаводска, в селе Кончезеро, его руками построен двухэтажный дом. Предмет особой гордости – десятки поделок из дерева, также выполненных собственноручно.

О том, как удается совместить такие разные ипостаси в одной жизни, не замыкаться на узкой специализации и никогда не останавливаться в развитии мы побеседовали с доктором медицинских наук, профессором Зильбером в его рабочем кабинете, а потом и в уютной домашней библиотеке.

- Анатолий Петрович, расскажите, пожалуйста, о Ваших корнях, Вашем детстве, семье.

- Я появился на свет в Запорожье, в очень простой семье – у моих родителей даже не было среднего образования. Мама всю жизнь занималась хозяйством, растила детей. Она из рода долгожителей, в 99 лет в ясном уме и светлой памяти она еще читала лекции для членов общества «Шалом» - сравнивала условия жизни при Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войнах. Мой старший брат окончил Высшее военно-морское училище имени Фрунзе в Ленинграде, стал моряком, потом преподавал в Таллинском мореходном училище и объездил полмира с курсантами.

СВЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ

Папа начинал разнорабочим, но поскольку проявил себя человеком сметливым и пробивным, дослужился до должности заместителя директора крупного завода. Его заслугой, в частности, был перевоз в военное время предприятия в Ташкент: работу завода в эвакуации удалось запустить через несколько дней! В детстве я был большим хулиганом (впрочем, остаюсь таковым и сейчас), моя первая учительница постоянно жаловалась на меня маме. В начальной школе, кроме прочих шалостей, мы покуривали – собирали «бычков», делали самокрутки и дымили. Отец был мудрым человеком: узнав об этом, подвел меня к тумбочке, где были заперты папиросы «Казбек», и предложил мне пачку. Я, конечно, похвастался перед мальчишками, но какой интерес курить, раз это разрешено? С тех пор не курю и не пью.

В четвертый класс я пошел уже в эвакуации, в Ташкенте. Окончил школу с золотой медалью. Сдавал в выпускном классе экзамен по узбекскому языку письменно и устно, готовил сочинение об Алишере Навои, поэте и мыслителе. Знания в области узбекского совершенно неожиданно пригодились мне недавно: по скайпу читал лекции для ташкентских врачей, объяснить некоторые моменты нерадивым слушателям удалось только, припомнив крепкое выражение на их родном языке, которое я почерпнул на алайском базаре. Видели бы вы реакцию аудитории! Еще в запасе у меня - немецкий, который учил в школе, английский, французский, не считая украинского, на котором говорили в родном Запорожье.

Я собирался поступить в Ленинградский политехнический институт на новый тогда физико-технический факультет. Я знал, что там будет развиваться перспективное направление ядерной физики. Как золотой медалист я должен был пройти процедуру зачисления вне конкурса. Но в приемной комиссии мне сказали, пряча глаза, что произошла ошибка, набор золотых медалистов уже закончен, и мне нужно поступать на общих основаниях. Я был готов и к такому повороту событий, но еще через день мне сообщили, что принимать экзамены у медалиста - против институтских правил. Я понял, что просто человека с такой фамилией там видеть не хотят, и ушел.

Прислушался к мнению родителей, которые мечтали, чтобы я стал врачом, и подал документы в Первый медицинский институт в Ленинграде. Интересовался сначала биохимией, потом хирургией. Мои интересы всегда были шире, чем просто медицина.

- Расскажите, пожалуйста, о Вашей уникальной работе в области сбора информации о докторах-труэнтах. Как Вы к этому пришли?

- Действительно, у меня собрана огромная база данных о врачах-труэнтах, которую я веду с 1949 года. По поводу сбора информации я переписываюсь с Библиотекой Конгресса в Вашингтоне, Библиотекой Ватикана. Моя коллекция – самая обширная в своем роде, она насчитывает более четырех тысяч имен. Труэнты (*“truant”* в переводе с английского – «лентяй, прогульщик») – это практикующие врачи или люди, получившие медицинское образование, которые сумели реализоваться и прославиться в других областях.

Будучи студентом второго курса, я познакомился с трудами ученого Клода-Луи Бертолле, того самого, который открыл бертолетову соль. С удивлением я узнал, что известный химик - по образованию врач. Потом я встретил фамилию Лавуазье. Этот ученый окончил юридический факультет Парижского университета, но, кроме того, он интересовался естественными науками и создал биохимию дыхания, числится выдающимся химиком. Поначалу я просто отметил эти открытия для себя, как любопытные факты.

Дальше стали попадаться все новые данные о врачах, добившихся успеха во всевозможных немедицинских сферах деятельности, и я заносил их в свой каталог. Первая объемная и хорошо иллюстрированная книга о врачах-труэнтах, которая вышла в Санкт-Петербурге в 2013 году, посвящена врачам, одним из главных жизненных интересов которых стало коллекционирование. Сейчас готовлю второй том о врачах, прославившихся на ниве педагогики, материалы уже собраны.

- Ваша библиотека впечатляет огромным количеством редких изданий. Как Вам удалось собрать столько уникальных книг?

- Во время учебы в институте я зарабатывал себе на жизнь не так, как обычно это делали студенты. Иногда шоферил на грузовой машине в составе «бригады «Хох» (сокращенно от ивритского «хохма» – мудрость), мы возили бутовый камень для колхозов Карельского перешейка. Вторым источником материального благополучия того времени была игра в джазовом оркестре под руководством известного дирижера, прекрасного композитора Ильи Семеновича Жака. Это был известный музыкант, во многом благодаря ему знаменитой стала Клавдия Шульженко, которой он аккомпанировал и писал песни.

Я играл на пианино и на аккордеоне, за три-четыре концерта я получал столько, сколько обычные врачи за полгода труда. Денег хватало на вполне безбедную жизнь, поэтому я имел возможность покупать редкие и довольно дорогие книги.

Среди моих раритетов – уцелевший в единственном экземпляре альбом Н.И. Пирогова, которого я считаю основоположником всей мировой хирургии, а не только российской. Случилось так, что типография, в которой были отпечатаны сто экземпляров этого издания, сгорела, а именно этот альбом уцелел потому, что находился у цензора. Мой институтский педагог поверить не мог, что я купил такую уникальную книгу в букинистическом магазине на Литейном, специально приходил ко мне в общежитие, брал альбом на проверку. Предполагалось, что погибли все экземпляры...

Мне удалось собрать все прижизненно опубликованные труды Пирогова. Связывался недавно с музеем-усадьбой «Вишня» (Винницкая область, Украина), оказалось, что находящаяся там коллекция работ Николая Ивановича беднее моей. Также в моей библиотеке – уникальные издания с иллюстрациями Гюстава Доре, книги с редкими автографами.

- Среди основных сфер Вашей работы – не только медицина, но и педагогика, Вы подготовили и воспитали несколько поколений врачей-анестезиологов в Карелии. Что сегодня заботит Вас, как педагога?

- Как раз сейчас я подготовил очень важную лекцию о наставничестве и менторстве в медицине критических состояний, опираясь в своих рассуждениях на труды Пирогова. Я считаю Николая Ивановича выдающимся педагогом, многие из его идей актуальны сегодня: «сначала растить людей, а из них уже – специалистов», «не запоминать, а размышлять», «программа и учебник – ориентир, а не догма», «языки и историю – изучать всем», «не делать никаких различий в доступе к образованию, но никого не тянут за уши».

На научных работах Н.И. Пирогова, его идеях, которые легли в основу создания целой школы, в России защитились десятки и сотни кандидатов и докторов наук, но у него нет ни одного ученика. Ведь наставничество – это не только наука, а призвание. Моя основная забота сегодня – не просто научить специальности, а по Пирогову, – «делать людей»! Наставничество – это обучение профессиональным знаниям и навыкам, достаточным для самостоятельной работы специалиста. А менторство – постоянное воспитание и совершенствование человека, из которого надо вырастить специалиста. Кстати, немногие помнят, что «Ментор» – имя собственное, так звали учителя Телемаха (сына Одиссея), который всему обучил молодого человека – от стрельбы из лука до управления государством.

Подготовка любого специалиста должна иметь гуманитарную основу. Особенно это касается профессии врача, престиж которой в обществе, к сожалению, в последние годы неуклонно падает. Немногие приходят на медицинский факультет по призванию. Надо признать, что сегодня ни средняя, ни высшая школа не воспитывают.

В нашей стране работает огромное количество выдающихся профессионалов, но этого мало. Нужно, чтобы они становились менторами. Поэтому каждый на своем месте должен сделать все, что в его силах, для передачи собственного опыта и развития человеческого потенциала в учениках, тогда мы сможем хотя бы частично преодолеть существующие системные проблемы.

Ежегодно, начиная с 1964 года, в Петрозаводске на базе нашей кафедры проходят семинары по актуальным проблемам медицины критических состояний, которые уже на третий год существования приобрели статус международных (в последние годы семинар носит название образовательной конференции «Школа Зильбера: Открытый форум»). Подобные мероприятия в Америке стали проводиться лишь с 1969 года, то есть на 5 лет позже. И вот, уже без малого полстолетия, традиционно в октябрьские дни, когда отмечается День анестезиолога, к нам съезжаются врачи со всех уголков России, специалисты из разных стран мира, чтобы принять участие в конференции, цель которой остается неизменной много лет – это не наука ради науки, но практическое претворение в жизнь идей человековедения и просвещения, непрерывного медицинского образования и самообразования.

- Расскажите, пожалуйста, трудно ли было начинать работу в области анестезиологии в стране, где никогда не было такой специальности?

- Я приехал в Петрозаводск в качестве хирурга в 1954 году. К тому времени в западной медицинской литературе уже широко освещались проблемы анестезиологии, а в СССР об этом разделе медицины еще ничего не слышали. Я тогда сподвиг своего учителя по амбулаторной хирургии Владимира Львовича Ваневского задуматься о том, чтобы начать готовить анестезиологов в Ленинграде. Вскоре были организованы первые курсы по специальности «анестезиология».

В номенклатуре такого термина такой специальности не было, поэтому, когда соответствующая бумага-приглашение на курсы поступила в Министерство здравоохранения Карелии, ее, по рекомендации заместителя министра, передали в Министерство культуры, решив, что термин связан с модной в то время борьбой против буржуазной эстетики. С трудом документ разыскали, и в мае-июне 1957 года я прошел однomesячную специализацию в первой группе советских врачей-анестезиологов. Нам тогда преподавали хирурги – специалистов-анестезиологов не было. В результате оказалось, что я, читавший много профессиональной зарубежной литературы, знал больше, чем педагоги. В декабре того же года состоялись повторные курсы. А уже в 1958 году я выступил с докладом на первом Всероссийском съезде хирургов, травматологов и анестезиологов. Я был единственным специалистом-анестезиологом, остальные выступавшие были хирургами.

В то время у тех, кто начинал в области анестезиологии, не было ни медикаментов, ни специального оборудования. Поэтому приходилось применять смекалку, создавая из подручных средств всевозможные медицинские приборы. До сих пор эти удивительные экспонаты хранятся в нашем больничном музее.

А в 70-х на одном из международных симпозиумов ко мне подошел заведующий кафедрой анестезиологии Гарвардского университета и спросил по-английски: «Профессор, хотите, я расскажу Вам, как стал анестезиологом?» «Разумеется!» - ответил я. Врач перешел на русский язык и рассказал, как в 1958 году он, будучи студентом четвертого курса Первого ленинградского медицинского института, проходил практику в Кондопожской центральной районной больнице и как в один из дней для проведения сложной операции из Петрозаводска ждали главного уролога и «какого-то врача-анестезиатора».

Я сразу вспомнил больного, оперировать которого мы тогда были приглашены, и вспомнил тот «хитрый» наркоз – прием искусственной гипертермии, погружения в «зимнюю спячку»,

когда на время у пациента пропадает дыхание и пульс. Уже через пару лет, в своей первой книге, которая вышла в 1961 году, я в пух и прах раскритиковал этот прием и писал о недопустимости его применения на практике, но тогда, в первый год работы в качестве анестезиолога, подобные штучки казались мне невероятной дерзостью. Мое тогдашнее «колдовство» произвело такое впечатление на молодого практиканта, что он решил стать анестезиологом.

Я побывал в Гарварде в статусе приглашенного профессора. Когда я читал первую лекцию, в зале было негде яблоку упасть, студенты сидели даже на ступеньках. Я был очень удивлен такому ажиотажу. Оказывается, учащиеся пришли посмотреть на «шефа их шефа»: того, кто является наставником их руководителя.

- А пошли ли по Вашим стопам Ваши дети?

- Обе мои дочери стали врачами, живут в Соединенных Штатах. Внук Ден Маршалик – американский врач-уролог, закончил университет Нью-Джерси, стажировался в Барселоне. Кроме того, он всерьез занимается проблемами гуманитарной культуры, глубоко освоил испанский язык. Сейчас он работает в Вашингтоне, в Джорджтаунском университете ведет курс художественной литературы для врачей, является соавтором серьезных научных сборников. Это второй известный мне врач, кроме меня самого, который занимается гуманитарным образованием коллег. Очень горжусь тем, что внук пошел по моим стопам именно в этом вопросе.

- Каждый день в четыре часа утра Вы уже на работе. Откуда черпаете силы?

- Это просто давняя привычка, биоритмы перестроились. За стеной моего кабинета – отделение интенсивной терапии,

анестезии и реанимации. Мы принимаем самых тяжелых больных. Четыре утра – пересменка для медсестер и врачей, опасное время для тех, кто пребывает в критических состояниях. Поначалу меня практически каждый день вызывали в больницу именно в это время – несколько лет я же вообще был единственным анестезиологом в республике. Приезжать сюда, а потом ехать домой на пару часов, чтобы снова вернуться, никакого смысла не было. Так что я оставался на рабочем месте – анализировал карты больных, знакомился с интересующей меня литературой. Я могу сказать, что все мои статьи, книги, докторские сочинения почти полностью подготовлены мною как раз в эти ранние часы...

Анатолий Зильбер

СВЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ

МАРК БУРКИН: ДРУЗЬЯ И ПОМОЩЬ ЛЮДЯМ – ЛУЧШЕЕ ПРОТИВОЯДИЕ ОТ ДЕПРЕССИИ

В наше суетное время беседа с интеллигентным, мудрым и обаятельным человеком – большая редкость и радость. Серьезные, поучительные, веселые и не очень истории из жизни профессора Марка Михайловича Буркина, доктора медицинских наук, заведующего курсом психиатрии Петрозаводского государственного университета, члена-корреспондента Российской академии медико-технических наук, можно слушать часами.

Врач-психиатр высшей категории, М.М.Буркин из тех, кто с одинаковым вниманием и уважением относится ко всем пациентам, стремится услышать и понять человеческую душу, исцелить ее боль. В свое время творческий подход врача к лечению шизофрении и адаптации больных к трудовой и общественной жизни одобряли далеко не все коллеги, но Марку Михайловичу – одному из пионеров в этой области медицины – удалось добиться действительно значимых результатов, которые изложены в десятках научных статей, опубликованных в разных странах мира.

О том, как помочь человеку сохранить душевное здоровье, что может являться стержнем, удерживающим его от попадания под влияние чуждых ценностей и стереотипов, а также о роли еврейского самосознания в жизни и врачебной практике мы побеседовали с профессором М.М.Буркиным в его рабочем кабинете.

- *Марк Михайлович, расскажите, пожалуйста, о своей семье. Откуда Ваши корни?*

- Вся история нашего рода – совершенно еврейская. Мама родом из города Романов Житомирской области, папа из Бердичева, а познакомились родители в Одессе, куда обе семьи переехали. Мамины родные считались вполне обеспеченными –

держали постоянный двор и аптеку. Известно, что у меня была совершенно удивительная бабушка Мириам (ее девичья фамилия – Шварцер), необыкновенно мудрая. Несмотря на ее юный возраст, к ней часто приходили советоваться люди. Она, к сожалению, рано умерла от столбняка, я не был с ней знаком, но в ее честь названа моя внучка. Фамилия дедушки Абрама Ароновича – Нудельман, он развивал семейное аптечное дело сначала в Романове, потом в Одессе.

Дедушка по линии отца занимался кожевенным ремеслом, всю жизнь шил перчатки. Его жена Евгения Иосифовна была замечательной, очень теплой и ласковой, настоящей еврейской бабушкой, растила сначала детей, потом внуков. Вспоминаю ее с большой нежностью.

Папа Михаил Исаакович (дома – Моня) – человек веселый, артистичный поступил во ВГИК и даже год там отучился, но потом понял, что совершил неправильный выбор профессии. Вернулся в Одессу, стал успешным инженером, работал на руководящей должности, много бывал в командировках. Мама родилась в знаковую дату – 7 ноября 1917, что, наверно, повлияло на всю ее жизнь. Она окончила Одесский институт связи, по распределению приехала в Орел, быстро сделала там карьеру – стала начальником местной телефонной станции, всегда проявляла себя как активный, неравнодушный человек.

- Какими для Вашей семьи стали военные годы?

- Как только началась война, маму и папу призвали на фронт. Меня отправили в детский дом в Пензенскую область. Забрали назад только после освобождения Орла. Я смутно помню это время: когда началась война, мне исполнилось два года. По рассказам взрослых, я вернулся страшно изголодавшимся, все время просил есть. Военное время изменило характер родителей, семейная жизнь дала трещину, они вскоре расстались. Мама была человеком сильным и решительным, очень правильным, честным, не склонным к компромиссам в ключевых вопросах. Именно ее пример оказался очень важным для моей жизни.

- Ваша мама работала сначала в Орле, потом возглавляла телефонную станцию в Петрозаводске. Как к ней относились коллеги?

- Мама интересовалась жизнью всех сотрудников, занималась делами каждого человека в коллективе, знала, у кого какие проблемы, кому и чем нужно помочь. Женщины приходили к ней просто поговорить, спросить совета. Связисты получали немного, но отличались дружбой, взаимовыручкой. При необходимости, мама могла обратиться в больницу к ведущим специалистам с просьбой проконсультировать ее сотрудников и, как правило, ей не отказывали. В детстве я частенько проводил время на телефонной станции, меня там все знали. Будете смеяться: лет пятнадцать назад я решил поехать в Орел, побродить по знакомым местам. На улице обратился к женщине с просьбой помочь среди современной застройки найти дом, где жила наша семья... Дама сразу меня опознала как «Марика, сына начальника телефонной станции», поскольку прежде там работала, сказала мне много замечательных слов о маме, поведала о моих детских шалостях и проказах. В Орле маму до сих пор помнят добром. Авторитет среди сотрудниц у нее был непрекаемый.

- Как Вы поняли, что медицина – Ваше призвание?

- Ну, вообще-то в десятом классе я мечтал об Институте международных отношений, хорошо учился, был очень деятельным парнем, комсомольским вожаком. Очень любил литературу, у меня преподавал блестательный педагог Александр Васильевич Фокин, по слухам – бывший «троцкист». Он сформировал у учеников интерес к чтению, хороший литературный вкус. Мне особенно нравилось читать произведения Фейхтвангера, я неплохо писал сочинения. Учитель полагал, что мне нужно поступать на факультет журналистики.

Мама объяснила, что шансов пройти в ИМО у меня нет, поэтому выбрали более реальное направление – медицину, тем более, что врачей в нашем роду немало. Я поступил в Первый Ленинградский медицинский институт имени академика И.П. Павлова. В вузе

продолжал работать в студенческой многотиражной газете, писал статьи.

Мама передала мне очень важное для профессии качество – способность к эмпатии, проникновению в человеческую душу. Психиатрию как основное направление врачебной деятельности я выбрал на третьем курсе. У профессора П.И.Буля успешно занимался гипнозом, начал выступать с лекциями, демонстрировал опыты. Большое влияние на мое становление как психиатра оказал доцент кафедры психиатрии Первого Ленинградского медицинского института С.И.Коган, блестящий профессионал, он по-настоящему нас учил, с любовью передавал опыт. Впоследствии он приезжал в Петрозаводск из Ленинграда, консультировал местных психиатров.

- Соблюдались ли в Вашей семье еврейские традиции?

- Родители жили вполне светской жизнью, причем мама была членом партии, вела себя всегда с большой осторожностью. Оба говорили на идиш, но только когда мы приезжали к родственникам в Одессу, меня языку не обучали, в синагогу не водили. В семье разговоры на национальные темы не приветствовались. Хотя дом у нас был очень открытым, постоянно приходили многочисленные еврейские друзья. Мама прекрасно готовила блюда национальной кухни: кисло-сладкое жаркое, фаршированную рыбу... Так что традиции передавались таким ненавязчивым способом.

Пока я учился в школе, самосознание у меня было вполне советское, хотя я понимал, что я еврей, помнил о своей идентичности, а когда забывал – тут же напоминали. В школе порой бывали неприятные моменты, но это исходило даже не от детей, а от взрослых – как эхо «дела врачей» и прочих антисемитских акций. Но серьезного преследования никогда не возникало.

Моя еврейская вовлеченность усилилась, когда я поступил в институт в Ленинград. Там компания друзей-студентов оказалась исключительно еврейской, вместе осваивали традиции, ходили в синагогу, танцевали. Душа там пела – объяснить это трудно,

возможно, сработала генетическая память. С огромной благодарностью вспоминаю дом кантора синагоги Давида Стискина, с дочерью которого я дружил. Там я и мои сокурсники впервые познакомились с еврейскими праздниками, обрядами, национальной музыкой. В этом изумительном доме нас всегда тепло встречали, угощали, просвещали, образовывали. Это очень повлияло на формирование моего еврейского самосознания, которое окончательно сложилось уже в зрелые годы.

- Доводилось ли Вам бывать в Израиле? Как Вы себя там чувствуете?

- Бывал там раз шесть, и у родных, и у друзей по институту. Многие врачи с нашего курса переехали в Израиль, подтвердили дипломы, успешно практиковали. Могу сказать одно: чувствую себя там превосходно.

Для меня очень важно все, что происходит с родными и близкими и в России, и в Израиле. Израиль – как очаг, он очень много дает всем нам – и это не пустые слова. Конечно, жизнь там очень трудная, проблем немало, многие я знаю изнутри. Но как важно, что Израиль – есть, причем не только для евреев, но для всех жителей Земли.

- Как складывался Ваш профессиональный путь после окончания Ленинградского медицинского института?

- Я с радостью вернулся в Петрозаводск, и начал заниматься медицинской практикой. Заведовал отделением в психиатрической больнице, организовал психотерапевтический и наркологический кабинеты. Позднее перешел на кафедру психиатрии открывшегося медицинского факультета университета, где работал под руководством прекрасного профессионала и замечательного человека Юлии Лукиничны Сологуб. Занялся научной работой, защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации по клинико-социальным аспектам шизофрении. Меня всегда волновало, как научиться эффективно адаптировать больных,

помочь им вернуться к нормальной социальной и трудовой жизни, потому что люди, перенесшие тяжелое психическое заболевание, могут чувствовать, что оно безвозвратно изменило их жизнь, и они не способны стать такими, какими были до болезни. И перед специалистами стоят важные проблемы, связанные с изучением характера приспособления больного в окружающем мире. Наш коллектив стоял у истоков освоения этой темы.

Психиатрические исследования проходили тогда в условиях закрытого учреждения, фактически в изоляции больного от окружающего мира. Я был очень увлечен темой создания новой среды для адаптации больных на базе открытого отделения больницы. Главный врач Ирина Антоновна Мойзе, дочь одного из родоначальников карельской психиатрии А. М. Мойзе, была прогрессивным врачом и руководителем, с интересом относилась к нашим исследованиям, всячески их поддерживала. В тот период, в связи с появлением новых методов исследования мозга, все больше заговорили о том, что все психические процессы имеют биологическую основу.

Важно отметить и другое: больные шизофренией зачастую испытывают серьезные затруднения в отношениях с другими людьми, и, в первую очередь с близкими, особенно, когда нужно учитывать позицию другого человека. Они плохо понимают эмоции и настроение окружающих, не воспринимают намеков, намерений, иронии, что зачастую ведет к семейным конфликтам (тем более что и у родственников больных тоже есть похожие проблемы). Подготовку к гармоничному существованию в социуме нужно было начинать уже в стационаре. Идея заключалась в изменении лечебной обстановки, приближении ее к домашней, использовании новых методов восстановительного лечения. Важно уже в больнице помочь пациенту вернуться к обычной жизни.

В обществе еще очень сильны стереотипы, которые мешают больному успешно адаптироваться. Только с помощью лекарств улучшить социализацию человека невозможно, хотя возможности для выбора медикаментов на сегодняшний день очень широки.

Но помимо психофармакологии, важно уделять внимание социальному методу: на базе отделения мы старались моделировать общественные ситуации, отношения. Больные занимались лечебным трудом, осваивали навыки общения. Мы вместе с сотрудниками и больными ходили в походы, устраивали спортивные соревнования, театрализованные представления, рисовали и т.п. В нашей работе использовались различные приемы, в том числе – система Станиславского.

Серьезная проблема, с которой я столкнулся в работе, – персонал. Очень добрые, отзывчивые люди, они не совсем правильно понимали стоящие перед нами задачи, не становились в полной мере моими соратниками. Нередко возникала проблема «патернализма» – с пациентами обращались как с малыми и неразумными детьми. Начали с того, что провели работу с сотрудниками – стремились поднять уровень их профессиональной подготовки, расширить кругозор. Как у психотерапевта у меня были хорошие связи в артистической, музыкальной среде и я частенько привлекал друзей из творческих кругов к моей работе. Например, Народная артистка РСФСР и КАССР Людмила Филипповна Живых со своими коллегами приходила к нам, выступала перед сотрудниками и пациентами. Проводились беседы, вечера поэзии, музыки, живописи. Многие из них организовывали мои бывшие пациенты. Такая работа имела непосредственное значение для повышения эффективности процесса излечения больных и их последующей адаптации.

- Кто в современном обществе, на Ваш взгляд, наиболее подвержен психическим расстройствам?

- Как бы мы ни ругали современную медицину, за последние десятилетия она серьезно продвинулась вперед, люди стали жить гораздо дольше, что, увы, привело к появлению новых заболеваний. Например, число старческих психозов в разы увеличилось, поскольку выросла продолжительность жизни.

Поэтому сейчас в этом направлении перед нами стоят совершенно новые задачи, мы активно занимаемся геронтопсихиатрией, сосудистыми расстройствами головного мозга, возрастной деменцией.

Что касается шизофрении и других серьезных заболеваний (эпилепсия, МДП и др.), то уровень заболеваемости ими относительно стабилен: примерно 1-2% населения в любом обществе страдает этими недугами.

Я вижу очень серьезную тенденцию в повышении числа лиц, подверженных депрессии. По прогнозам, к 2020 году по масштабу именно депрессия выйдет на второе место после сердечно-сосудистых заболеваний. Вообще в основе любого психического расстройства могут быть самые разные причины: наследственность, влияние окружающей среды, экологическая ситуация, неврологические расстройства. Следует понимать, что если в роду человека были отклонения, связанные с болезнью головного мозга, то, как бы они ни назывались, это означает его повышенную уязвимость и может быть причиной болезненной реакции на всякого рода жизненные трудности. Именно влияние нескольких сочетающихся между собой факторов способно спровоцировать начало болезни.

Большую роль играет система ценностей: модель с акцентом на физическое и материальное превосходство, которая культивируется сегодня, не для всех приемлема. У Мэлора Стуруа в очерке «Туманы Британии» мне запомнился такой образ: человек стоит на площади в Лондоне, вокруг проплывают толпы людей, а в его глазах читается: «Ну, хоть кто-нибудь, остановитесь! Пожалуйста, поговорите со мной». Но все погружены в собственные проблемы, проходят мимо... Это образ современного человека. В мире исчезают человеческие отношения, понимание того, что не все можно конвертировать в деньги. В обществе присутствует напряженность, неуверенность в завтрашнем дне. Усугубляют эту тенденцию такие варианты саморазрушающего поведения, как алкоголь, наркомания и курение.

- Каково, на Ваш взгляд, противоядие от депрессии?

- Трудно давать рекомендации общего характера, поскольку каждый больной требует индивидуального подхода. Я вижу системное решение для этой проблемы в воспитании личности с младых ногтей, изменении существующих неправильных стереотипов, формировании системы здоровых ценностей.

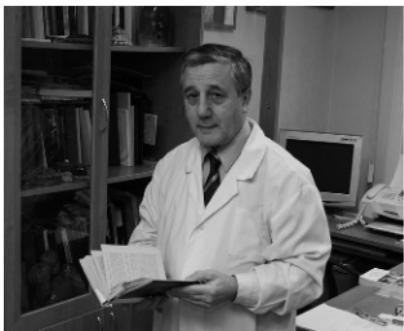
Живите сегодня. Прошедшие беды бессильны, забудьте обиды, не вспоминайте о том, чего уже не вернуть. Не стоит пугать себя фантомами грядущих бед. Занимайтесь спортом. Наблюдения показывают, что склонные к депрессии люди лучше себя чувствуют, если регулярно занимаются физическими упражнениями на воздухе, бегают, плавают.

У человека обязательно должны быть друзья. В.Маяковский писал: «Плохо человеку, когда он один, горе одному, один не воин». Страйтесь не оставаться в одиночестве. Не принимайте серьезных решений, не обсудив проблему с близкими друзьями или родственниками. Очень важным считаю основанные на традиции, осознании национальной идентичности встречи в рамках еврейской общины, участие в общинной жизни, – это очень помогает в трудные минуты, объединяет.

Полагаю, что Петрозаводская еврейская община делает немало добрых дел для своих членов, как и Благотворительный фонд «Хэсэд Агамим». Очень полезно заниматься благотворительностью, оказывать адресную посильную помощь тем, кому она необходима, а потом видеть результаты. Многие элементы благотворительной работы в области оказания помощи престарелым и малоимущим людям, которая была изначально профессионально поставлена в «Хэсэд Агамим», сегодня используют и государственные социальные службы Карелии. Такого рода деятельность, направленная на благо других, тоже является мощным противоядием от депрессии.

Еврейская мудрость гласит – мир стоит на трех вещах: на Торе, на служении и на милосердии. И один из способов поддержать гармонию нашего мира – и сохранить себя, свой внутренний мир – помочь тем, кто в этой помощи нуждается, ибо одно доброе дело – лучше тысячи слов.

СВЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ

Марк Михайлович Буркин

Папина мама
Евгения Иосифовна Виннер

Буркины

РУДОЛЬФ МЕЛЬЦЕР: ЧУВСТВОВАТЬ ЧУЖУЮ БОЛЬ

Рудольф Ионтелеевич Мельцер – известный врач-травматолог, профессор, доктор медицинских наук, пользуется заслуженным уважением благодарных пациентов, коллег по медицинскому делу, а также педагогов, многочисленных студентов и выпускников Петрозаводского университета. Стаж его профессиональной деятельности в городской больнице скорой медицинской помощи столицы Карелии – почти пятьдесят лет, которые вместили в себя много боли и радости, работы над собой, совершенствования в профессии, открытый, изобретений, вдохновения...

В возрасте 76 лет Рудольф Ионтелеевич продолжает трудиться в травматологическом отделении больницы, возглавляя курс травматологии Петрозаводского государственного университета, с удовольствием делится с подрастающим поколением медиков накопленным опытом, занимается наукой. И при этом ему удается не терять чувства юмора в любых ситуациях! В сжатом до предела жизненном графике Заслуженного врача Республики Карелия находится место для семьи, чтения, любимой кошки Каси, литературного творчества, сотрудничества с Петрозаводской городской еврейской общиной. О медицинских буднях, духовном становлении, главных ценностях и увлечениях мы поговорили с доктором Р.И.Мельцером в редкие свободные часы между самыми разнообразными занятиями, наполняющими его жизнь.

- Рудольф Ионтелеевич, расскажите, пожалуйста, Вашу семейную историю. Откуда Ваши корни?

- Мой отец Ионтель Давидович Мельцер был морским офицером, капитаном I ранга. Прошел войну, вернулся живым, награжден орденами и медалями. Он дослужился до солидных высот: командовал сначала минно-торпедной частью Краснознаменной Амурской флотилии, потом возглавил минно-торпедный отдел Балтийского флота.

Его особенность – необычайная доброта, не очень понимаю до сих пор, как она совмещалась с военной службой. Дома он нас с братом пальцем не трогал, в сложных ситуациях с нами всегда «разбиралась» мама. Отец вообще не употреблял алкоголь, и я унаследовал эту традицию.

Родом Ионтель Давидович из Чернобыльских мест, с Припяти. Мой дед был ветеринаром-самоучкой, успешно практиковал, так что в некотором роде я продолжатель врачебной семейной династии. Бабушку звали Пэрэле. Отец родился восьмым, всего в большой семье было одиннадцать детей. Он учился в еврейской школе, прекрасно знал идиш, закончил рабфак, потом военно-морское училище имени М.В.Фрунзе.

В июне, перед началом войны, многочисленные отцовские родственники с детьми съехались к бабушке и деду, чтобы вместе провести лето, покупаться в теплых водах Припяти, отдохнуть. Меня не привезли, поскольку я еще был маленьkim – родился в 1938 году. Это меня спасло: большая часть семьи, все, кто не были на войне, навсегда остались в близлежащем рву – их расстреляли. В деревне жили люди разных национальностей, но, как известно, различия обычно проявляются на переломных этапах. Некоторые из односельчан не только равнодушно глазели, как гнали на расстрел их еврейских соседей, но даже выставляли патефоны на окна и включали музыку. После войны мы с отцом побывали в тех местах, десятилетним мальчиком я впервые услышал страшный и правдивый рассказ о Холокосте, который повлиял на всю мою дальнейшую жизнь. Отец похоронен на еврейском кладбище в Ленинграде.

Моя мама Роза – красавица, умница, родом из Полтавы, она тоже говорила на идиш. Дед по ее линии, Мендель, был сапожником. Мама выучилась на печатницу, в молодости работала в типографии, потом всю себя посвятила воспитанию детей. Она великолепно, очень чисто и грамотно говорила по-русски, привила мне с детства любовь к языку. Идиша я не знаю, кроме ругательств, которые похожи скорее на ласковые слова на фоне русского мата и проклятий. Когда приезжал отдыхать в Одессу и слышал идиш, он звучал для меня как музыка.

У меня было по-настоящему счастливое, солнечное детство. Нас с братом все любили, нам помогали. Даже во время войны я не голодал, всегда имел условия для учебы и нормального проживания. Родителей вспоминаю только добром.

- А основам еврейских традиций Вас в семье обучали?

- В нашей семье еврейских традиций не соблюдали. Меня называли Рудольфом, поскольку в год моего рождения советские вожди держали курс на сближение с Германией. Отец был коммунистом, служил в штабе флота, кажется, кроме него там в то время работал еще только один еврей.

Несмотря на то, что отец тоже был пропитан тогдашней идеологией, во время нашей жизни под Хабаровском, у нас в коридоре всегда стоял фибровый чемоданчик с консервами и теплыми вещами на случай, если вдруг за отцом «придут». Любые разговоры на национальные темы не приветствовались, с детьми религиозные традиции не обсуждались. Сейчас, задним умом я, конечно, понимаю, что надо было больше самому расспрашивать, узнавать, но увы... У меня очевидный недостаток еврейского образования, большинство из того, что я знаю, почерпнул, самостоятельно изучая историю, читая книги. С традициями нашего народа всерьез знакомился уже в зрелые годы, в петрозаводском «Хэсэде».

Атеистом я себя не считаю, но стою на позициях Единого Бога. Полагаю, что и вера у людей должна быть одна – в Добро. «Не делай другому того, чтобы ты не хотел, чтобы сделали тебе», – на мой взгляд, это главное.

- Вы, несмотря на все сложности советского времени, не сменили еврейскую фамилию и отчество на более привычные для российского уха. Трудно ли Вам жилось с ними?

- В военное время с антисемитизмом мы впрямую не сталкивались, тогда все люди считались «братьями и сестрами»,

а вот с 1946 года гайки снова стали закручивать. В третьем классе ленинградской школы, где я учился после нашего переезда, мне уже доходчиво объяснили все про нашу национальность. Именно за год учебы в Ленинграде я получил образование по «пятой графе» на всю оставшуюся жизнь. Поэтому никаких сомнений, колебаний, желания поменять отчество или фамилию у меня не возникало. Я никогда никем не прикидывался, не лукавил, хотя внешность позволяла.

Антисемитизм – это как пропитка коржей. Даже если люди сами не разделяют таких взглядов, они живут в обществе, где подобные идеи витают, дышат отравленным воздухом, – яд все равно проникает в организм.

Если впоследствии при мне о евреях начинали говорить гадости, я непременно вмешивался – у каждого человека обязательно должно присутствовать самоуважение. К концу школы я прекрасно знал: тем, кто нас ненавидит – имя Легион, трястись на каждого морального урода отдельно не хватит жизни. Поэтому при знакомстве с самого начала, чтобы не возникало двусмысленностей, старался отчетливо дать понять, кто я такой. Необходимости нравиться всем никогда не испытывал. А тратить время на выяснение национальных вопросов не желал – хотелось заниматься учебой и профессией.

- Вы бывали в Израиле? Что Вас больше всего впечатлило?

- Впечатление от Израиля у меня оглушающее! Трудно даже поверить, что иерусалимским камням, деревьям – несколько тысяч лет. У меня беспредельное уважение к израильтянам. Однажды, на заре государственного становления Государства Израиль, туда приехал Уинстон Черчилль, посмотрел на пустыни и пески и сказал, что здесь никогда ничего не будет. Время показало, насколько он был неправ. Встречая на улицах ультрарелигиозных евреев в лапсердаках и меховых шапках, я понимал, что только благодаря таким чудакам и безумцам мы не растворились, сохранились как этнос в кислотной среде, в которую оказались погружены.

- Кого Вы считаете Учителями?

- В первую очередь расскажу о Зоте Кирьяновиче Башурове, моем ленинградском наставнике, которого вспоминаю с огромной благодарностью. Это блестящий врач, травматолог высочайшей квалификации, очень образованный человек. Два года, пока я учился у него в отделении восстановительной травматологии ЛНИИТО, никогда не забудутся, я с жадностью перенимал опыт и знания Башурова. Зот Кирьянович обладал фантастической памятью, помнил каждого студента. Его корни – из родных мест М.В. Ломоносова, Зот Кирьянович – тоже помор, просветитель. Достопримечательности Ленинграда он знал лучше многих историков, с его легкой руки у меня возникла тяга к исследованию родного города.

После приезда в Карелию я познакомился с Исааком Соломоновичем Консоном, в прошлом – военным врачом, практиком, знатоком военно-полевой хирургии, специалистом по оказанию помощи при катастрофах. Вместе с другими докторами мы участвовали в ликвидации аварий, помогали ему при чрезвычайных происшествиях. От Исаака Соломоновича – многие бесценные навыки, которые в дальнейшем очень пригодились мне в работе. Именно он пригласил меня работать на кафедру хирургии в университет, и я начал преподавать.

Были и другие фигуры, которые существенно повлияли на мою судьбу и профессиональное становление. Один из лучших карельских урологов, врач Валентин Львович Дробнер, за которым я пристально наблюдал, – сразу заинтересовал меня как личность нестандартная. Во время войны он провел несколько лет в гетто, жизнь его простой не назовешь. Много лет В.Л.Дробнер работал по профессии в Петрозаводске, а сейчас живет в Торонто, пишет книги.

Надолго врезался в память эпизод, как однажды на Ученом совете медицинского факультета обсуждалось дело студента, который что-то украл. Все участники единогласно проголосовали за его исключение, только Дробнер воздержался. Позже он пояснил, что в главной Книге написано: «Не судите – и не судимы будете».

Студента исключили на год, после чего он вернулся к учебе, окончил университет, а впоследствии стал хорошим хирургом, который пользуется большим авторитетом у коллег, а это, как известно, – настоящий знак профессионального качества.

Хочется вспомнить добрым словом Капитолину Григорьевну Готовцеву, заведующую хирургическим отделением в Республиканской больнице, главного хирурга Карелии, замечательного человека и врача. Когда я начинал профессиональный путь в Пряже, она, понимая, что у меня еще недостаточно опыта, предложила приехать ко мне в поселок и прооперировать больных вместе. Как будто у нее мало другой работы! Конечно, это был подарок для меня: я таких операций никогда не видел, только в книгах о них читал. Она действительно приехала, показала все нюансы, даже проассистировала мне. Такой поступок не входил в ее рабочие обязанности, это была помочь коллеги, она подставила мне крепкое профессиональное плечо.

К счастью, замечательная Капитолина Григорьевна и сейчас щедро делится с нами опытом, мы встречаемся с ней, беседуем. Всякий раз вспоминаю, как она меня выручила своим приездом. В другой раз она обнаружила у моей малолетней пациентки заболевание, которого я, в силу недостаточности опыта, даже не заподозрил, деликатно показала мне, как правильно действовать в подобной ситуации. Я, хирургический недоросль, чувствовал себя неважко... При этом не последовало никакого пинка, нотаций, урока она преподала блестяще, тонко, интеллигентно.

Отдельное слово – об Анатолии Петровиче Зильбере. Он – настоящая глыба, думаю, если бы познакомился с ним пораньше, стал бы анестезиологом, а не травматологом. Доктор Зильбер – блестящий профессионал, его невозможно наслушаться. Даже в Первом Ленинградском медицинском институте ни один профессор на его уровне не читал нам лекции. Для петрозаводских студентов его преподавание – необыкновенный дар.

- Как Вы выбиралы профессию?

- Мой отец мечтал, чтобы я продолжил военную династию: один из моих дедов проливал кровь еще при защите Порт-Артуре в 1904-1905 годах. Сам я собирался стать летчиком. Но, к сожалению, меня подвела леворукость, я ее пытался скрыть, но не прошел одно из испытаний. Оперирую, кстати, левой рукой, а вот пишу правой: с детства меня приучила к этому учительница, когда стояла в классе над душой с деревянным портновским метром в руке. Пару раз она ударяла им по столу, демонстрируя, что будет дальше. Мой почерк настоящий врачебный – ужасный...

Через военкомат меня пытались определить вне конкурса на учебу в Военно-медицинскую академию. Но через десять дней документы вернулись с невнятной формулировкой о том, что военкомат опоздал с их подачей. Это случилось еще до начала вступительных экзаменов! Всем стало понятно, что произошло. Мне было семнадцать лет, конечно, я переживал. Только потом, когда уже довелось послужить на подводной лодке, я понял, насколько я благодарен тем, кто не принял меня в академию. Все сложилось к лучшему.

Тогда я переосмыслил то, что рассказывал мне дядя Израиль Яковлевич, закончивший вместе с отцом военно-морское училище имени М.В.Фрунзе. Он в конце 30-х был посажен по доносу, участвовал в работах на БАМе, который начали строить еще до войны. Там полегло немало людей... Потом Израиль Яковлевич многократно писал бумаги с просьбой отправить его на фронт, добился положительного решения, храбро воевал в штрафбате, получил тяжелое ранение, был награжден двумя орденами Красной Звезды и переведен в обычную часть. Несмотря на реабилитацию уже после победы, в Ленинграде на работу по специальности он устроиться так и не смог, поэтому уехал в Мурманск, где работал капитаном, двадцать лет водил корабли на Чукотку и обратно. Именно дядя, реалист и откровенный человек, открыл мне глаза на происходящее вокруг, рассказал кое-что о судьбе еврейского народа. Ему я мог задавать вопросы на любые темы. Так вот, Израиль Яковлевич порекомендовал мне идти учиться на врача: если даже посадят, будет легче выживать.

Я, конечно, мыслил еще другими категориями, однако, вопрос, почему я решил стать врачом, до сих пор для меня открыт. Пятьдесят пять лет я думаю, не ошибся ли я в своем выборе.

На самом деле, вариантов было не так много, как кажется, несмотря на прекрасные оценки в аттестате. Я надеялся на серебряную медаль, однако, в этом же году оканчивал школу еще один еврей. Сразу двум представителям нашей национальности медали дать не могли, так что мне поставили «три» на сочинении, притом, что у меня даже «четверок» никогда не было ни по русскому языку, ни по литературе. Более того, я писал сочинения даже в стихах! Преподавательница литературы очень хорошо ко мне относилась, видя любовь к своему предмету... Несколько меньше я любил математику, прекрасно осознавал, что я – не Ньютон. Хотя и по этому предмету имел отличные оценки. Поэтому окончательный выбор, сделал в пользу медицины.

Я учился в Первом Ленинградском медицинском институте, до сих пор с гордостью об этом рассказываю. Вуз опередил свое время, на каждом курсе там давалось информации столько, сколько за три года в обычном высшем учебном заведении. Работал потом с удовольствием и на совесть. На враче лежит колossalная ответственность. Знаете заповедь «не навреди»? Я всегда помнил об этом.

- Как Вы полагаете с высоты лет и опыта, врачебное дело – это призвание или нет?

- Думаю, бывает по-разному. Существуют «генетические» врачи, которые сразу не видят себя ни в какой другой специальности, это главное, для чего они родились. Другие выросли в семьях медиков, видели «благой пример», что и повлияло на выбор профессии. Третьи – благодарные пациенты, которые пережили опыт, определивший их желание прийти в медицину. К этой группе я отнес бы и себя. Четвертые могли бы работать и в других местах, но приняли сознательное решение посвятить себя врачеванию...

Особенно это характерно для евреев, которые на протяжении истории привыкли вести себя разумно и практично. Я также руководствовался при выборе специальности чисто прагматическими соображениями.

- Какими качествами, на Ваш взгляд, должен обладать человек, чтобы стать настоящим врачом?

- Врач не может состояться без доброты и умения сопереживать. Если человек не чувствует чужой боли, в профессии он случайный гость, лучше ему поскорее податься в другие места. На мой взгляд, настоящий доктор также не состоится, если он слишком хорошо о себе думает и у него не возникает сомнений в собственных знаниях. Нужно всегда оставлять пространство для погрешности, не стесняться вовремя проконсультироваться с коллегой, заглянуть в книгу. Свое первое кесарево сечение я проводил в деревне. Когда делал операцию, положил рядом на табуретку открытый учебник, который перед этим к тому же практически вызубрил. Слава Богу, заглядывать мне в него не понадобилось.

Врача должно пронизывать чувство ответственности. Он как священник: человек может при нем раздеваться и ни о чем не беспокоиться. Так что ответственность двойная: за себя и за того, кто тебе доверился, он рискует всем, что у него есть, в первую очередь – жизнью.

Помимо этого, уверен, что для медицинской работы требуется определенный характер, навык принятия самостоятельных решений. Значительную часть пути врач проходит без страховки, а обстоятельства складываются по-разному. Доктор должен чувствовать себя незавершенным объектом, быть похожим на здание, которое постоянно достраивают. Необходимо все время учиться, совершенствоваться, особенно сегодня, когда прогресс достиг невыбывалых скоростей.

Труд врача очень тяжел, оплата весьма невысокая, так что вначале многие молодые люди, выбирающие эту профессию, не отдают себе отчета в грядущих трудностях. В моей биографии

было время, когда, чтобы свести концы с концами, я вынужденно брался за любую работу. В частности, приходилось подрабатывать в тюремной медсанчасти. Не жалею об этом: для любого человека важно все понимать, видеть своими глазами, чтобы по-настоящему ценить жизнь, свободу. У меня в жизни был самый разный опыт, который позволил лучше узнать людей и этот мир, прийти к пониманию важных вещей. Я никогда не смог бы жить в другой стране, поскольку люблю русский язык, существующий в его пространстве, не мыслю нахождение в другой среде.

В работе врача затрачивается колоссальное количество физических и моральных сил. Если сложить все ночные дежурства в больнице, получится, что на них я провел целых пять лет. Не всякий на такое согласится. Так что периодически у медиков происходит «разрядка аккумулятора», необходимо некоторое время побывать наедине с собой, помолчать.

Лет через десять после начала профессиональной практики я понял, что мне очень не хватает толстокожести, я все очень близко принимал к сердцу. С детьми я совершенно не могу работать, мне тяжело видеть их страдания.

- Что для Вас является главным достижением в профессии?

- В жизни порой происходят страшные, непредсказуемые вещи. Однажды летним вечером 8 июля 1990 года мы узнали, что на железнодорожном переезде в 14 километрах от Петрозаводска поезд столкнулся с переполненным автобусом, который вез в город дачников. Было много жертв – в катастрофе погибли 35 человек. Я руководил оказанием помощи пострадавшим, которых довезли живыми в БСМП, и из них умерла только одна пострадавшая. Считаю, что за четыре жутких часа после аварии я отработал всю зарплату, которую мне платило государство.

Когда ближе к полуночи у нас появился первый начальник, заместитель министра здравоохранения Ю.В.Скрипников, он удивился, что приемный покой и коридоры больницы пусты. «Где все?» – спросил он. Это был как раз тот случай, когда хотелось ответить по-еврейски, но я объяснил, что больные уже размещены:

СВЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ

кого-то оперируют, кто-то уже на вытяжении, проходит восстановительную терапию, часть пострадавших отправили в другие медицинские учреждения – в беде помогали все... Я справился, потому что Исаак Соломонович Консон, один из моих учителей, подготовил меня, как и других врачей отделения, к такого рода ситуациям, научил быстрому и правильному реагированию, принципам организации работы в чрезвычайных обстоятельствах.

- Я знаю, что Вас привлекала литература, Вы сами пробовали писать стихи. Что для Вас творчество?

- Могу про себя сказать, что я – книжный алкоголик, с детства читаю запоем. Не удивительно, мы же – Народ Книги. Как многие, в подростковом возрасте я писал лирические стихи, потом «окислился» и перешел к ироническим. Работа у врача очень нервная, как мы с вами уже обсуждали, поэтому обязательно требуется отдушина, нужно снимать стресс. Писать нравится, это развлекает. У меня вышли две книжечки, которые пользовались широкой популярности в узких кругах. «На публику» практически не читаю, никогда этого не делаю на работе, в университете, только среди близких друзей, в хорошо знакомых компаниях.

- Что еще помогает снять стресс, восстановиться?

- Важную роль в моей жизни играет семья, дети, внуки, недавно родилась правнучка. С супругой Татьяной Николаевной (она доктор-инфекционист) мы вместе пятьдесят три года. Жена у меня русская, так что я – настоящий интернационалист, ценю людей по внутренним качествам, а не по национальности. Негодяи есть в любом народе. Мы с супругой не пытаемся переделать друг друга: считаю, жить надо с тем человеком, которого выбрал, а не делать из него то, что нравится. Еще помогает восстановлению кошка Кася. Мы все живем очень дружно.

СВЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ

Мельцер Рудольф Ионтелеевич

Консон Исаак Соломонович

Мельцер Р.И. со своими студентами

САВЕЛИЙ ХЕНКИН: ВРАЧ – ПРЕЖДЕ ВСЕГО ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

Заслуженный врач РСФСР и КАССР Савелий Хонанович Хенкин – один из самых почетных и уважаемых докторов в Петрозаводске. Ветеран Великой Отечественной войны, он на себе испытал все ужасы передовой, был сильно контужен, но снова вернулся на фронт. Судьба точно хранила его, оберегала в самые тяжелые моменты жизни. Савелий Хонанович награжден орденом Отечественной войны 2-ой степени, медалями.

При участии доктора Хенкина почти шестьдесят лет назад с нуля создавалось отделение урологии в Республикаской больнице Карелии, которое Савелий Хонанович возглавлял более тридцати лет. На базе отделения внедрялись новые методы врачебной практики, происходил набор и обучение кадров, велась научная деятельность, создавались традиции. По словам дочерей, основную часть жизни отца составляла работа, для него не существовало ни выходных, ни праздников. Вечерами он читал, готовился к операциям – беспокоить родителя запрещалось, днем пропадал в больнице. Доктор Хенкин всегда был готов откликнуться на любой вызов, просьбу о помощи днем и ночью. Периодически домой приходили пациенты, которых выписывали из отделения, с просьбой оплатить проезд, поскольку у них не хватало денег на билеты. И врач с широкой душой старался помочь всем...

Помимо этого Савелий Хонанович активно участвовал в еврейской жизни, еще в советское время встречался с единомышленниками для субботних молитв, а позднее стоял у истоков создания в Петрозаводске общества «Шалом» и городской религиозной общины.

Сегодня Савелию Хонановичу 92 года, и он с удовольствием делится впечатлениями о разных периодах долгой и насыщенной событиями жизни.

- Савелий Хонанович, откуда корни Вашей семьи?

- По материнской линии мои родные – выходцы из села Рудня Смоленской области. Дедушка Нахман был правильным,

глубоко верующим человеком, возглавлял похоронное братство. Он служил в армии, воевал в русско-турецкую войну, после чего получил надел земли в Рудне, женился, работал кузнецом – сам построил кузницу. Помню из детства, что он постоянно молился, соблюдал все еврейские традиции, был крайне аскетичным человеком. По легенде, в его доме в Рудне останавливался Наполеон, когда шел по Смоленщине. Бабушка Слава Маркович, которая была сильно моложе деда, запомнилась очень строгой, она вела большое хозяйство. У них с дедом родилось тринадцать детей, все выжили – нечастый случай по тем временам. Мои родители проживали в Смоленске, но на лето мы приезжали в Рудню. Первую свою студенческую стипендию я отправил именно бабушке.

Деда по отцовской линии я не знал, его работа заключалась в том, что он развозил почту. Он рано умер, и бабушка переехала в Смоленск. Отец Хонан Савельевич родом из Могилевской губернии, город Мстиславль. Он воевал всю Первую мировую войну, после тяжелого отравления газами был демобилизован. В Смоленске женился на маме Софье Наумовне, так родилась семья Хенкиных. Отец работал портным, мама – портнихой-белошвейкой, шила, чинила белье на дому. Очень трудолюбивые, простые люди. В 1932 году, когда начался голод, наша семья переехала в Ленинград.

Отец и мама хорошо говорили на идиш, дома язык постоянно звучал, поэтому я до сих пор его помню. Конечно, религиозного воспитания я не получил, папа не был глубоко верующим человеком, но по праздникам ходил в синагогу, молился.

- Почему Вы решили стать врачом?

- С детства я интересовался биологией, медициной. Десятилетку закончил в Ленинграде, вставал выбор профессионального пути. Мой выпускной вечер в школе пришелся на 22 июня 1941 года. Когда прозвучала страшное слово «война», почти все мальчишки из нашего класса сразу пришли в военкомат. Нас оттуда выгнали, сказав, что очередь еще дойдет, – сначала мобилизовывали взрослых мужчин.

Мы с приятелем решили поступать в Военно-медицинскую академию. Там нам сказали, что прием уже завершен и отправили в военно-медицинскую училище имени Щорса, которое располагалось возле Витебского вокзала. Там готовили фельдшеров. После сдачи экзаменов в первые дни войны я стал студентом. Нас посыпали рыть окопы под Лугой, под Пулково, а в конце августа училище эвакуировали из Ленинграда одним из последних эшелонов, причем, мы не знали, куда нас отправляют. После долгой дороги в теплушках, под бомбекками, прибыли в Омск, где проучились девять месяцев вместо трех лет, в марте 1942 года оттуда нас отправили на фронт.

- Какой Вам запомнилась Великая Отечественная война?

- Сначала меня послали на Западный фронт, в Штаб армии. Там я получил направление в 20-ю армию, которая вела бои под Смоленском, потом держала рубежи под Волоколамском. Тяготы войны я переносил довольно стойко, – был энергичным, крепким, здоровым молодым человеком.

Несколько раз попадал в такие ситуации, что готовился к самому худшему. Однажды прямо передо мной, метрах в пяти, упала мина, начала бешено крутиться. Я все это видел, понимал, что в случае взрыва мне конец. Мина долго вертелась, но так и не разорвалась, я подошел и потрогал ее, она была очень горячей. В другой раз снарядом убило лошадь, запряженную в повозку с медикаментами, разбрзгивая ящик с лекарствами, все кругом разворотило. А я стоял живой, весь мокрый и удивлялся в первое мгновение, откуда так сильно пахнет медикаментами... Вновь остался жив, вопреки всякой логике.

Самое страшное воспоминание: перед наступлением на Ржев человек шесть бойцов, включая меня, находились в блиндаже, когда на него упал снаряд. Я помню только его разрыв – и ничего больше. Когда я очнулся, мне приятель сказал, что я счастливчик, поскольку погибли все, а меня в углу завалило телами. Только случайно удалось вытащить – думали, живых в блиндаже не осталось.

Часть двинулась дальше, и только мой приятель заметил, что среди мертвых шевельнулась рука, он остался и меня откопал. Я был тяжело контужен, долго лечился в медсанбате, потом в госпитале в Москве. Последствия этой контузии – дефекты речи, сохранившиеся до сих пор. А поначалу я вообще не мог говорить. Примерно через месяц пребывания в госпитале очнулся ночью оттого, что кричу «Пить!» Речь стала медленно восстанавливаться. Меня хотели комиссовать, но я воспротивился, снова вернулся на фронт в состав минометного полка. Воевал на Западном фронте, 1-ом и 2-ом Белорусских фронтах, закончил войну на 1 Прибалтийском в Кенигсберге.

Размышлял неоднократно, почему уцелел. Поскольку рос в советское время безбожником, полагал, что это случайность. Только сейчас осознаю, что это не просто воля обстоятельств, есть особая Сила, которая всем в этом мире руководит, и не просто так я не погиб. Мне трудно об этом говорить.

После войны меня, уже кадрового военного, старшего лейтенанта, направили поступать в Военно-медицинскую академию, я успешно сдал все одиннадцать экзаменов. Но, как известно, в это время в СССР обострились национальные проблемы. Вызвали к руководству вуза и сообщили, что я не прошел медкомиссию. Несмотря на наличие всех подтверждающих справок и документов, мне без долгих разговоров порекомендовали возвращаться назад в часть.

Начальник отдела кадров медицинской службы армии, генерал Волынкин, к которому я обратился за советом, посоветовал мне уволиться из армии, раз я действительно хотел учиться. Я написал рапорт, в октябре приехал с документами в Первый Ленинградский медицинский институт. К занятиям приступил 15 октября, когда учеба уже была в разгаре, у некоторых студентов уже экзамены шли. Втянулся в процесс, стал с интересом заниматься. В субординатуре определился с направлением деятельности: увлекся урологией, организовал студенческий кружок. Кстати, со мной учился отец известного барда Яков Розенбаум, с которым мы дружили.

Моим проводником в специальность стала педагог С.Н.Лисовская, бывшая княгиня из Молдавии, очень милая,

одинокая пожилая женщина. Когда у нее было настроение, она оставалась со студентами после занятий и беседовала на медицинские темы. Именно Лисовская привила мне любовь к урологии, хотя многие товарищи смеялись над моим увлечением. А когда у меня случились почечные колики, и княгиня меня вылечила, выбор специальности определился окончательно. После смерти любимого педагога у нас преподавал энергичный профессор А.М.Гаспарян – известный уролог, у которого я тоже многому научился. Спустя шесть лет после поступления, при распределении я по результатам был двенадцатым из четырехсот студентов – неплохой результат.

- Как Вы оказались в Петрозаводске?

- Сначала туда отправился мой приятель, окончивший институт на год раньше. Он работал в местном Министерстве здравоохранения. Накануне распределения я получил от него письмо, в котором тот сообщал, что Карелии очень нужен уролог, если нет возражений, они готовы затребовать меня. Я согласился, правда, папа очень расстроился. Все причитал, что Карелия – это каторга, прежде туда ссылали, а я еду по доброй воле.

Перед отъездом в Петрозаводск я женился, моя супруга Ася Абрамовна тоже по профессии – врач, закончила Ленинградский педиатрический медицинский институт. На седьмой день после свадьбы мы оказались в Петрозаводске. Долго мыкались по съемным квартирам, комнату выделили, когда у нас уже дети родились.

- Как осуществлялась в Карелии Ваша профессиональная деятельность?

- Меня направили работать в местную больницу. Уролога в Петрозаводске действительно не было, практиковал хирург Коннов, который время от времени оказывал неотложную урологическую помощь в случае травм, делал экстренные операции. Когда его перевели работать в госпиталь, я остался вообще один. Коллеги-врачи периодически говорили, что больных по моей специальности нет. Я объяснял, что просто отсутствует выстроенная система выявления заболеваний.

Большую роль в развитии урологии в Карелии сыграл профессор В.А.Баранов, очень мужественный профессионал своего дела, прекрасный человек, всю жизнь посвятивший развитию медицины в Республике Карелия. Сейчас его именем названа Республиканская больница. Никто не слышал, чтобы он хоть раз повысил голос. Ему было достаточно насупиться, чтобы все поняли, что он чем-то недоволен. У Баранова была особая манера обучения молодых врачей: он не «натаскивал», а учил своим примером, приглашал в операционную, когда работал. Его мастерством на операциях, ловкими умелыми руками хирурга можно было любоваться. Резекцию желудка он проводил за сорок минут!

Семь лет я проработал в хирургическом отделении больницы, потом стал сам оперировать. Когда сдали в эксплуатацию новое здание Республиканской больницы, в нем открыли отделение урологии – сначала на двадцать коек. Потом число мест несколько раз увеличивали, площадь расширяли. Конечно, мне понадобились врачи, я пригласил доктора И.В.Креймана, москвича, работавшего тогда в Медгоре.

Хочу еще добавить, что профессор Баранов всегда заботился о людях, с которыми работал, был добрым и справедливым. В 1953 году до нас долетели отголоски «дела врачей». Однажды утром я пришел на работу и получил строгое указание немедленно ехать в командировку в Тикшу Муезерского района, самолет улетал через час. Я ничего не понял, но подчинился. Также произошло с доктором И.М.Менделеевым, его отослали в Пудож. Нам обоим было велено оставаться в глубинке до того момента, пока нас не вызовут. После смерти Сталина мы вернулись и продолжили работу.

Работая в Петрозаводске, несколько раз я ездил в Ленинград на повышение квалификации, тогда это занимало полгода. Род в профессии, стал членом Правления общества урологов РСФСР, а потом и СССР. Занялся научной деятельностью, готовил многочисленные статьи, писал диссертации, но, к сожалению, по семейным обстоятельствам защититься не удалось.

- *Что нужно, чтобы стать настоящим врачом?*

- Нужно быть хорошим человеком – это основное. И стремиться

СВЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ

к знаниям, совершенствоваться всю жизнь. Если думать только о деньгах, работа станет ремесленничеством.

- Как в Карелии начался Ваш путь в еврейскую жизнь?

- Когда я приехал из Ленинграда, узнал, что религиозные евреи в Петрозаводске жили, но синагоги не было. Я снимал жилье у старого еврея Я.В.Беленьского, очень верующего. От него узнал, что в одном из домов по субботам люди собираются на молитву, стал туда приходить. Потом созрела идея сделать что-то для еврейской общественности. После беседы с музыкантом, преподавателем Консерватории Леонидом Бутиром решили, что нужно организовать свою «синагогу», выбрали, кого можно к этому делу привлечь. Так появилось общество еврейской культуры «Шалом». Для меня это было очень важно с внутренней точки зрения: осознавать, что в городе что-то есть свое, родное, еврейское. Пока сил хватало, активно участвовал в еврейской жизни.

- Какие Ваши качества помогли Вам выстоять во всех сложностях жизни, достойно пройти свой путь?

- По натуре я добрый человек, старался помогать людям везде, где только можно. Это основное мое жизненное качество. Помимо этого, считаю важным отметить, что никогда не лез напролом, не был карьеристом, был честным человеком. Двигался по должностям и званиям, поскольку люди сами меня выдвигали, отмечали.

Мое главное достижение в жизни – две дочери, Анна и Елена, которые продолжили нашу врачебную династию. Живу после ухода жены с ними, считаю, что такие дети – настоящая награда.

- А с кем-то из родни, живущей в других городах, отношения поддерживаете?

- Буквально недавно у меня неожиданно отыскались племянницы! Оказывается, наших родственников время разбросало по всему миру, но мода на составление семейной генеалогии нас соединила. Теперь мы общаемся с многочисленными вновь обретенными родными, которые живут в Израиле и в Америке, обменялись фотографиями, семейными историями, чувствуем себя очень счастливыми.

Хенкин
Савелий Хонанович

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Семейная династия Иссерсон-Барановых:
пять поколений врачей на службе людям 3
2. Профессор Зильбер: «Подготовка специалиста
должна иметь гуманитарную основу» 13
3. Марк Буркин : друзья и помочь людям - лучшее
противоядие от депрессии 24
4. Рудольф Мельцер: чувствовать чужую боль 34
5. Савелий Хенкин: врач - прежде всего хороший человек 46

Из серии
«БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»
вышли в свет:

Бен Гирш. Азбука иудаизма

Дмитрий Цвибель. Время любить

Из еврейской поэзии. Сост. **Иосиф Гин**

Нохим-Залманович. Еврейские пословицы

Давид Гендлев. Из истории еврейской
общины Петрозаводска

Имена и судьбы. Сост. **Юлия Гендлева**

Залман Кауфман. Невыдуманные рассказы

Евреи Карелии. Сост. **М.Бравый, И.Шегельман, Я.Бравый**

Залман Кауфман. Зяма

Дмитрий Цвибель. Судьбы, опаленные войной

Дмитрий Цвибель. Мой еврейский вопрос

Дмитрий Цвибель. Лидеры

Дмитрий Цвибель. Мой папа

Лев Хорош. Судьбы еврейские

Дмитрий Цвибель. Август 91-го и после

Иосиф Гин. Хочу рассказать...

Софья Лойтер. Частички бытия

Наталья Лайдинен. Звезды на северном небе

БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»

Выпуск 19

*Редактор
Дмитрий Цеибель*

Отпечатано: ООО «Два товарища».
Республика Карелия,
г. Петрозаводск, Лесной пр., 51.

Тираж 300 экз. Заказ № 455